

Патрушев Сергей

Жизнь *кота*

Сергей Патрушев

Жизнь кота

«Автор»

2026

Патрушев С.

Жизнь кота / С. Патрушев — «Автор», 2026

Томик не просто кот, а рыжий философ и тайный владыка бетонных джунглей. Днём он ленивый сибарит, требующий тунца и раздирающий диван. Ночью уличный гладиатор, бросающий вызов дворовым котам и законам гравитации. Его жизнь — это путь от офисного работника к существу, познавшему абсолютную свободу. Через битвы, любовь и гипнотический взгляд на холодильник Томик постигает экзистенциальную истину: человек нужен лишь для открывания консервных банок и генерации тепла. Ироничная и глубокая история о том, кто на самом деле держит власть в доме.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро в полосатом царстве	5
Глава 2. Окно как телевизор	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Жизнь кота

Глава 1. Утро в полосатом царстве

Первый луч солнца, пробившись сквозь щель между неплотно задернутыми шторами, упал точно на правый бок Томика. Он не был горячим, этот луч, скорее — настойчивым. Он лег на рыжую, в темно-шоколадную полоску шерсть, как тяжелая, но приятная лапа, и принялся медленно, со скоростью движения часовой стрелки, ползти к позвоночнику.

Томик спал чутко, как и положено владыке этих квадратных метров. Сон царственной особы не терпит грубости, но утренний свет — это не грубость. Это закон природы, такой же незыблемый, как закон всемирного тяготения, заставляющий брошенную со стола ручку падать на ковер. Томик вздохнул, не открывая глаз. Вдохнул густой, застоявшийся за ночь воздух спальни — смесь его собственного мускусного запаха, пыльцы с комнатных растений и едва уловимого аромата человеческого шампуня.

Он выждал еще три минуты, давая солнцу возможность утвердиться на его боку окончательно. Это был вопрос иерархии. Солнце должно было доказать, что оно достойно будить его, Томика. Когда луч добрался до лопатки и начал щекотать кожу, кот решил, что испытание пройдено.

Потягивание началось с кончиков усов. Они дрогнули, уловив микровибрацию старого дома, и развернулись вперед, сканируя пространство. Затем потянулась левая передняя лапа. Томик вытянул ее вперед, распрямляя каждый палец до хруста в суставах, выпуская и тут же втягивая мягкие, розовые подушечки. Когти — его главное достояние, его скальпели, его перья для письма на обоях, его якоря — послушно выскользнули из бархатных ножен. Пять острых, идеально изогнутых кинжалов на мгновение поймали солнечный луч и отразили его на потолок золотистыми искрами.

Следом за лапой потянулось все тело. Томик выгнул спину идеальной дугой, превращаясь из пушистого комка в тугую, мускулистую тетиву. Позвонки вставали на место один за другим, издавая тихое, довольное пощелкивание. Он потянулся так сильно, что его рыжий хвост с белым кончиком, до этого мирно лежавший кольцом, вытянулся в струну и нервно дернулся, сбрасывая остатки сна.

Хозяин, чья массивная фигура занимала большую часть кровати, даже не пошевелился. Он издавал свой фирменный утренний звук — низкий, вибрирующий храп, переходящий в влажный присвист на выдохе. Человек был слеп и глух к великим утренним делам. Его сознание блуждало где-то в лабиринтах бессмысленных человеческих снов, в то время как мир за окном уже принадлежал тем, кто бодрствует.

Томик презрительно дернул ухом. Слабость двуногих всегда его забавляла. Они могли поднимать тяжести, могли строить высокие дома и создавать странные светящиеся угольники, издающие звуки, но они были абсолютно беспомощны перед лицом собственной усталости. Хозяин мог спать, пока солнце не ударит ему прямо в лицо, пока желудок не начнет сводить от голода, пока мир вокруг не начнет рушиться. Томик же был обязан бодрствовать. Кто-то должен был следить за периметром.

Он мягко, почти беззвучно прыгнул с кровати. Толстый ковер поглотил звук приземления. Томик приземлился на все четыре лапы, но не замер, как сделал бы обычный, заурядный кот. Он сделал еще один, пружинистый шаг в сторону, гася инерцию. Это была не просто акробатика, это был танец. Танец хищника, для которого гравитация — лишь рекомендация.

Первым делом — обход владений.

Спальня была его личной опочивальней, местом, где он милостиво позволял двуногому делить с ним ложе. Но дом не ограничивался этой комнатой. Томик бесшумно просочился

в приоткрытую дверь. Коридор встретил его прохладой и запахом утренней типографской краски — вчера хозяин принес пахнувший целлюлозой плоский прямоугольник, который люди называли «газета». Запах был чужеродным, агрессивным, и Томик потратил добрых полчаса ночью, чтобы методично пометить его углы, заявляя свои права на территорию.

Он двинулся по коридору, его рыжая шерсть почти сливалась с ламинатом цвета светлого дуба. Пол под лапами был его картой. Вот здесь, у плинтуса, ламинат чуть вздулся — Томик знал, что если наступить точно на стык, раздастся тихий, многообещающий скрип. Он наступил. Скрип прозвучал в утренней тишине как выстрел из духовой трубки. Хозяин на секунду сбился с ритма храпа, но не проснулся.

Томик удовлетворенно прижался щекой к косяку двери в ванную, оставляя невидимую, но пахучую метку. Феромоны — это рукопожатие в мире запахов. Любой другой кот, попади он сюда (что было бы актом невиданной дерзости), сразу бы понял: здесь правит Томик. Ему пять лет, он весит шесть с половиной килограммов чистого, жилистого, наглого веса, и этот коридор — его позвоночник, соединяющий голову-гостиную и хвост-кухню.

Кухня. Священное место.

Томик толкнул лбом качающуюся створку двери. Она поддалась с легким вздохом. Здесь царил иной запах. Холодный, металлический запах холодильника смешивался с остатками вчерашнего ужина — курица, кажется. И, что самое важное, здесь стоял его трон.

Керамическая миска цвета слоновой кости. Глубокая, тяжелая, она никогда не скользила по линолеуму, сколько бы Томик ни гонял ее носом в приступах утреннего нетерпения. Сейчас она была пуста.

Томик подошел к ней, сел рядом, обернув лапы хвостом, и устремил немигающий взгляд на дверь спальни. Он не кричал. Крик — это признание собственного бессилия, это удел уличных оборванцев и истеричных сиамцев. Томик был аристократом. Его метод был тоньше. Он просто смотрел. Он превратил свое тело в вектор, направленный на спящего человека. В его зеленых, как бутылочное стекло, глазах плескалась спокойная, холодная неизбежность.

Прошла минута. Две.

Храп за стеной сменился тяжелым вздохом, потом наступила тишина. Томик не шелохнулся. Он знал: человек сейчас находится в пограничном состоянии. Он еще не в мире живых, но уже выпал из мира снов. Сейчас он самый уязвимый. Сейчас его можно лепить, как мягкую глину.

Томик медленно, демонстративно поднял правую лапу. Он не занес ее над миской — это было бы слишком вульгарно. Он занес ее над идеально чистым линолеумом в полуметре от миски. И выпустил когти. *Шрр*

Звук был глубоким, вибрирующим, первобытным. Это был звук разрушения. Звук, которым его дикие предки сдирали мясо с костей антилопы. Только вместо антилопы был дорогой велюровый диван в гостиной.

Томик знал, что делает. Это был не просто каприз. Это был экзистенциальный акт.

Для человека диван — это предмет мебели. Три-четыре квадратных метра ткани на деревянном каркасе, место, куда можно упасть вечером с банкой пива. Для Томика диван был холстом. Алтарем. Ежедневным отчетом о состоянии мира.

Он подошел к углу дивана, тому самому, который уже напоминал растрепанную мочалку. Его когти вошли в мягкую, податливую ткань с легким сопротивлением. Томик надавил. Он чувствовал, как рвутся микроволокна, как натягивается и с треском лопается основа. Он повел лапой сверху вниз, всем своим весом наваливаясь на передние конечности.

Вжиишш.

На темном велюре появилась новая, свежая, рыжая от внутреннего пуха борозда.

Томик замер, прислушиваясь. Из спальни донеслось нечленораздельное мычание, затем звук глухого удара — человек, видимо, хлопнул себя по лицу, пытаясь отогнать утреннюю реальность.

Томик продолжил. Он перешел к левой передней ножке дивана. Дерево было обтянуто кожаменителем, но снизу, у самого пола, была лазейка — там, где ткань была закреплена мебельным степлером. Вот оно. Настоящее сопротивление. Томик уперся задними лапами в плинтус, выгнул спину и начал яростно, с упоением, драть эту точку.

Это был ритуал. Священный, обязательный, как восход солнца. Зачем он это делал? Люди, с их примитивной психологией, думали, что он точит когти. Какая пошлость. Будто его когти — это тупые кухонные ножи. Его когти были острее скальпеля.

Точение когтей — это акт топографии. На подушечках лап у него находились потовые железы. Когда он вонзал их в обивку, он оставлял свой запах. Но не только. Он оставлял визуальный след. Каждый раз, цепляясь за эту ткань, он снимал с нее микроскопический слой. Диван старел вместе с ним. Каждая борозда на велюре была строчкой в летописи его царствования. «Здесь я был в среду, когда за окном выл ветер». «Здесь я оставил свой автограф в ночь, когда хозяин привел эту пахнущую собакой женщину».

Диван был его дневником. И каждое утро он должен был дописывать новую страницу. Если он не обновит метки, мир начнет распадаться. Границы станут зыбкими. Хозяин может забыть, кто здесь главный. Керамическая миска может навсегда остаться пустой. Порядок вещей держится на натяжении этих волокон.

Он сменил тактику. Теперь он не просто драл, он «месил». Он начал ритмично переступать лапами по подлокотнику, впинаясь когтями и тут же отпуская. Раз-два. Раз-два. Как пекарь, месящий тесто. Из обивки полетела мелкая рыжая пыль и крошечные катышки синтепона.

В спальне что-то тяжело упало на пол. Хозяин. Томик прекратил «месить» и прислушался. Шаги. Медленные, шаркающие, полные вселенской скорби. Звук открывающегося холодильника.

Томик спрыгнул с дивана. Ритуал обновления границ был завершен. Мир снова был стабилен. Он был цел. Теперь можно было переходить к дипломатии.

Он сел в дверном проеме кухни, приняв позу сфинкса. Прямая спина, хвост аккуратно обернут вокруг лап, подбородок чуть приподнят.

Человек появился на пороге. Он был помятым, его глаза напоминали щелки, а волосы стояли дыбом, нарушая все законы физики. В руках он держал не миску Томика, а свою керамическую кружку, от которой шел пар.

— Опять, — простонал человек, глядя на диван. В его голосе не было гнева. Только бездонная, космическая усталость. — Томик, ты исчадие ада. Это был шведский велюр.

Томик моргнул. Медленно, двумя глазами. На кошачьем языке это означало высшую степень доверия и привязанности. «Я люблю тебя, мой неуклюжий двуногий слуга. А теперь, будь добр, займись своими обязанностями».

Человек перевел взгляд с дивана на кота. Их глаза встретились. Зеленые, немигающие, полные праведного эгоизма глаза Томика и красные, опухшие глаза человека.

— У тебя совесть есть? — спросил человек, делая глоток из кружки.

Томик тихо, на самых низких частотах, издал звук. Не мурлыканье, а скорее — утробное гудение. Вибрация зародилась где-то в его грудной клетке и пошла по полу. Человек почувствовал ее босыми ногами. Это была звуковая манипуляция. Частота этого гудения (около 25 Гц, если бы человек умел измерять такие вещи) совпадала с частотой, которая способствует заживлению переломов и снимает мышечное напряжение у людей. Томик не знал физики, он знал только, что этот звук заставляет двуногих расслаблять плечи и терять волю к сопротивлению.

— Ладно, ладно, тиран, — сдался человек. — Иди сюда, чудовище.

Он наклонился, чтобы почесать Томика за ухом. Большая ошибка. Как только пальцы коснулись его головы, Томик включил мотор. *Брр*.

Это был звук работающего дизельного генератора. Низкий, мощный, заполняющий всю кухню. Томик выгнулся под рукой человека, подставляя шею, подбородок, пространство за ушами. Он терся о ноги хозяина, выписывая восьмерки, буквально наматываясь на них. Он щедро делился своим запахом, перекрывая утренний запах сна и кофе своим — запахом абсолютной власти и домашнего уюта.

— Ты же только что уничтожил мою мебель, — бормотал человек, почесывая его. — Что с тобой не так? Ты кот или бобр?

Томик не ответил. Он закрыл глаза от удовольствия, но его внутренний хронометр работал безупречно. Секунды утекали. Мотор работал на полных оборотах.

Наконец, человек выпрямился. — Все, шантажист. Будет тебе твое золото.

Он прошел к шкафу. Томик сел и снова принял позу сфинкса, внимательно наблюдая за каждым движением. Рука человека потянулась к верхней полке, где стоял большой бумажный пакет. Запах оттуда шел такой, что у Томика свело челюсти. Глубокий, землистый, белковый аромат.

Сухой корм. Гранулы в форме коричневых подушечек. Хозяин насыпал их в миску. Звук падающих на керамику гранул был для Томика лучшей музыкой. Это был звон его монет, стук его скипетра о трон.

Тук-тук-тук.

Человек поставил миску на пол. Томик не бросился к ней сломя голову. Это было бы ниже его достоинства. Он подошел величественно. Обошел миску по кругу, инспектируя. Вдохнул запах. Уткнулся носом в край керамики, вдыхая аромат полной грудью.

Хозяин тем временем побрел обратно в сторону кровати, бормоча что-то про «пять минут» и «еще одну попытку уснуть». Он не понимал, что утреннее царство уже закончилось. Наступало время дневной охоты.

Томик подождал, пока шаги человека стихнут в спальне. Дверь закрылась. Только тогда он приступил к трапезе.

Он не ел — он работал. Он брал каждую гранулу губами, перекачивал ее во рту, проверяя на прочность, и только потом разгрызал. Хруст стоял такой, словно на кухне работал маленький перфоратор. Он съедал подушечки не подряд, а выборочно. Вытащит одну из центра, съест. Вытащит ту, что лежала у самого края. Он имитировал процесс добычи. В дикой природе он не нашел бы еду аккуратной горкой. Ему пришлось бы выковыривать ее из нор, срывать с веток. Его мозг требовал этой иллюзии сложности.

Покончив с завтраком, он тщательно вылизал усы, снимая прилипшие крошки. Затем подошел к поилке — тяжелой стеклянной вазе, из которой ему нравилось пить, макая лапу в воду и слизывая капли. Вода была прохладной и свежей.

Утренний цикл был завершен. Солнце поднялось выше, и теперь его лучи заливали всю кухню, превращая рыжую шерсть Томика в расплавленное золото. Он чувствовал прилив сил. Сонная нега сменилась звенящей, звенящей от напряжения мышц энергией.

Он подошел к балконной двери. Она была закрыта, но внизу, за двойным стеклом, жил другой мир. Томик встал на задние лапы, уперся передними в стекло и расплющил нос. Там, за стеклом, на ветке старого тополя сидела наглая, толстая синица. Она прыгала, поворачивая голову, и смотрела прямо на Томика.

Томик издал звук, похожий на щелканье клюва. Тихий, быстрый: *клик-клик-клик*. Звук смертельной угрозы, звук пикирующего ястреба. Синица даже не вздрогнула. Расстояние и стекло делали его невидимым и беззвучным для нее.

Это было оскорбление. Томик сполз на пол. Его хвост начал хлестать по бокам. Он не злился — он концентрировался. Энергия, накопленная за ночь и подпитанная сухим завтраком, искала выход.

Его взгляд упал на подоконник. А оттуда — на шторы. Плотные, тяжелые, бежевые. Идеальные.

Томик прижался к полу. Его тело стало плоским, как блин. Он пополз к шторам, используя силу мышц кора, почти не помогая себе лапами. Это была имитация охоты на крупную дичь. На антилопа-гну, который по какой-то причине рос из потолка.

Он замер под самой тканью. Прицелился. В этом мире не было ничего важнее момента прыжка. Время замедлялось. Он слышал, как бьется его собственное сердце. Он чувствовал микроскопические потоки воздуха, идущие от батареи.

Взрыв.

Задние лапы распрямились, как две стальные пружины. Передние вытянулись вперед, выпуская якоря-когти. Он взлетел по вертикальной плоскости ткани на полтора метра вверх, не издав ни звука. Только свист рассекаемого воздуха. *Вэжж!*

Когти вошли в плотную ткань, как в масло. Томик повис на шторе, как флаг на древке. Штора натянулась, перекрывая пол-окна. Карниз издал жалобный стон и накренился.

Томик висел, победоносно глядя на синицу за окном. «Видишь? — говорил его взгляд. — Для меня нет преград. Даже если эта преграда сейчас рухнет вместе с карнизом».

Из спальни донесся звук, похожий на предсмертный хрип. Хозяин снова проснулся.

Томик отпустил штору. Он упал на пол абсолютно беззвучно, снова на все четыре лапы. Отпружинив, он тут же сел и начал тщательно, с показным равнодушием, вылизывать левую переднюю лапу. Язык ходил ходуном, разбирая шерсть на идеальный пробор.

В дверях спальни появился человек. Он выглядел так, словно пережил набег викингов. — Томик, — сказал он очень тихо. — Я еще не выпил кофе. Пожалуйста. Дай мне хотя бы дойти до уборной.

Томик закончил с лапой. Облизнулся. Подошел к хозяину и с громким, требовательным мявом — уже не гудением, а именно мявом, полным праведного нетерпения — потянул его за штанину пижамы в сторону коридора.

Дневная программа начиналась. Впереди был обход ванной (проверить, не капает ли кран), наблюдение за хозяином на троне (самый уязвимый момент в жизни двуногого), попытка уронить зубную щетку в унитаз и, конечно, главное событие дня — охота на невидимую точку лазерной указки.

Томик шел впереди, высоко подняв свой рыжий, в полоску, хвост. Он был бодр, сыт и абсолютно счастлив. Диван был обновлен. Границы на карте. Мир вращался в правильном направлении, и в центре этого мира, на мягкой подушке из его собственного запаха и порванного велюра, восседал он — Томик, владыка полосатого царства, чья утренняя смена только что сменилась дневной. А хозяин... что ж, хозяин был просто его самым большим, самым неуклюжим и самым любимым питомцем. Которого еще предстояло сегодня вывести на прогулку, открыв входную дверь. Томик уже слышал, как в замке поворачивается ключ. Мир за пределами квартиры пах свободой, пылью и чужими собаками. Приключение начиналось.

Глава 2. Окно как телевизор

Сбросив на пол последнюю, самую наглую солнечную бликующую точку, которая осмелилась ползти по его собственному, помеченному дивану, Томик совершил стратегическое отступление. Поле утренней битвы осталось за ним, но истинный триумф требовал иной точки обзора — возвышенной, недостижимой для суеты четырех лап. Он направился к подоконнику.

Для человека окно — это всего лишь архитектурная деталь, застекленная дыра в стене, предназначенная для того, чтобы не задохнуться, и для того, чтобы вовремя заметить поливальную машину, мешающую выехать со двора. Для Томика же это был главный портал, священный ретранслятор, транслирующий бесконечный, никогда не повторяющийся сериал под названием «Мир».

Подоконник, широкий и теплый от утренних лучей, был его персональной царской ложей в первом ряду. Томик совершил прыжок. Это не было просто перемещение массы в пространстве. Это был акт левитации, короткий, почти вертикальный взлет, в котором слились воедино мощь распрямившихся задних лап и ювелирная точность передних, вцепившихся в деревянную кромку. Ни один коготь не проскрежетал по дереву — это было бы признанием в несовершенстве. Он опустился на бархат своих подушечек абсолютно беззвучно, словно стусок рыжей тени, обретший плоть.

Он сел, обернув лапы своим великолепным, пушистым хвостом. Поза сфинкса, но ослабленная, созерцательная. Зеленые глаза, обычно горевшие неоновым огнем охотничьего азарта, сейчас потемнели, сузились в вертикальные щелочки-щели, превратившись в две линзы идеального оптического прибора. Он моргнул — медленно, тягуче, смыкая веки с той грацией, с какой опускается тяжелый театральный занавес. Это был сигнал. Внутренний переключатель щелкнул. Томик перешел в режим абсолютного, всепоглощающего наблюдения.

За двойным стеклопакетом, за невидимой, но непреодолимой преградой, разворачивалась панорама.

Прямо перед ним, на ветке старого, узловатого тополя, шел военный совет. Синицы. Мелкие, суетливые, желто-зеленые комки перьев, чирикающие с частотой сломанной пожарной сигнализации. Они прыгали по ветке, совершая хаотичные, на первый взгляд, движения, но Томик, с высоты своего интеллекта, видел в этом четкую систему. Они играли в «царя горы», они выискивали невидимых человеческому глазу насекомых в трещинах коры, они передавали друг другу зашифрованные сообщения на своем пронзительном, дребезжащем языке.

Одна из синиц, самая наглая, заметила Томика. Она повернула свою маленькую головку, покрытую шапочкой, похожей на уголь, и встретилась с ним взглядом. Расстояние между их носами не превышало ширины ладони, но их разделяла вечность. Птица открыла клюв и издала звук, который Томик расшифровал однозначно: «Я тебя вижу, лохматый. Попробуй, достань».

Хвост Томика, до этого лежавший неподвижной, тяжелой змеей, едва заметно дрогнул. Только самый кончик, белый, как первый снег, дернулся влево, затем вправо. Это не было признаком раздражения. Это был метроном. Внутренний пульс, синхронизирующийся с пульсацией жизни за стеклом. *Тик-так. Прыжок-щелчок.* Хвост отмерял ритм этого чужого, свободного мира, до которого было не дотянуться.

Томик ненавидел их. Каждая клетка его первобытного, дикого естества кричала о необходимости схватить, вонзить клыки в трепещущую плоть, почувствовать, как хрупкие птичьи кости ломаются под давлением челюстей. Шерсть вдоль его позвоночника невольно приподнялась, создавая едва заметный, но ощутимый гребень. Усы подались вперед, сканируя воздух на предмет фантомных запахов озона и прелой листвы. Он прижался животом к теплому пластику подоконника, распластался, его тело снова стало плоским, сливаясь с поверхностью. Он был готов. Он был сжатой пружиной, натянутой тетивой.

Но стекло оставалось холодным и равнодушным.

Он поднял лапу. Не для удара, а для проверки. Он прижал подушечку к прозрачной преграде. Ощущение было странным — гладкое, лишенное текстуры, оно не давало отдачи. В мире Томика все имело смысл только через осязание: шершавость коры, упругость ковра, сопротивление обивки дивана. Стекло было пустотой, которая притворялась стеной. Он провел когтем по поверхности. Раздался тихий, едва уловимый, но от этого еще более раздражающий визг — звук острого по идеально гладкому. На стекле осталась прозрачная, жирная полоса. Его метка. Его подпись. «Я был здесь. Я пытался. Я не сдался».

Его внимание отвлеклось. Внизу, по серому, мокрому от ночного дождя асфальту, потекла человеческая река.

Утренний город жил по своим жестоким, непонятным законам. Люди выскакивали из подъездов, похожие на муравьев, чей муравейник разворошили палкой. Они двигались быстро, суетливо, наклонив головы против ветра. Томик не понимал этой спешки. Куда можно торопиться, если мир уже проснулся и никуда не денется?

Он классифицировал их. Вон та женщина в красном пальто. Она шла быстро, но ее движения были резкими, рваными. Она постоянно оглядывалась, словно за ней гналась невидимая тень. Томик фыркнул. Двуногие всегда от чего-то убегают. От будильника, от начальника, от самих себя. У нее в руках была плоская белая коробочка, к которой она прижимала ухо. Томик знал этот предмет. Хозяин называл его «телефон». Странная вещь — зачем прижимать к голове холодный прямоугольник, если можно просто слушать ветер?

А вот этот мужчина. Огромный, в бесформенной синей куртке, с блестящей лысиной, отражающей солнце. Он шел тяжело, вразвалку, и от него пахло — даже сквозь закрытое окно Томик улавливал этот запах — пережаренным мясом и табаком. Этот никуда не спешил. Он просто перемещал свою массу из точки А в точку Б, как старый, уставший от жизни танк.

Томик перевел взгляд выше. На уровень второго этажа. Там, за соседним окном, началась другая жизнь. Старая, как мир, мыльная опера.

Женщина в бигуди и халате в мелкий цветочек поливала герань. Ее движения были медленными, ритуальными. Она что-то говорила растению — Томик видел, как шевелятся ее губы, но звука не было. Томик знал, что если долго смотреть на человека, он обязательно посмотрит в ответ. Он сфокусировал свой немигающий, гипнотический взгляд на ее лице. Прошло десять секунд. Двадцать. Женщина вдруг вздрогнула, обернулась и задернула шторы.

Томик моргнул. Глупые. Они думают, что если они не видят мир, то и мир перестает видеть их. Они прячутся за кусками ткани, за дверями своих коробок, за светящимися экранами, и называют это «приватностью». У них нет понятия о настоящей прозрачности бытия.

Его взгляд снова метнулся к тополю. Синицы улетели, испугавшись, вероятно, проезжающего внизу рычащего металлического зверя. Но свято место пусто не бывает. На ветку, тяжело ухнув, опустилась ворона.

Это был совсем другой уровень угрозы. Если синица была назойливой мухой, то ворона была черным вестником, падальщиком, существом древним и злым. Она переступала с лапы на лапу тяжело, по-хозяйски. Ее клюв блестел, как обсидиан. Она посмотрела прямо на Томика, склонив голову набок с пугающим, почти человеческим интеллектом.

Томик зашипел. Тихо, но так, что вибрация прошла по всему его телу и передалась теплomu пластику подоконника. Это был звук раскаленного масла, звук открывающейся могилы. Он обнажил клыки — белые, острые, предназначенные для того, чтобы разрывать сухожилия. Его хвост теперь не просто подрагивал. Он хлестал по подоконнику, как кнут дрессировщика, выдавая ту бурю первобытной ярости, что бушевала внутри.

Ворона каркнула. Громко, раскатисто, с издевкой. Она словно говорила: «Успокойся, меховой мешок. Я знаю, что ты там. Я знаю, что ты — царь лишь в пределах этих стен. А здесь, на ветке, я — закон».

Томик ударил лапой по стеклу. Сильнее. На этот раз не просто проверка, а удар. *Бам-м!* Стекло отозвалось глухим, низким гулом. Ворона даже не вздрогнула. Она лишь переступила лапами, демонстрируя полное презрение к бессилию хищника.

Это было невыносимо. Оскорбление, которое невозможно смыть кровью. Томик отступил на шаг, припал к самому краю подоконника, собирая все силы. Его мышцы свело от напряжения. Он посмотрел на ворону, затем на стекло, затем снова на ворону. В его голове, работавшей с точностью швейцарского хронометра, шел самый сложный расчет траектории, массы, упругости и вероятности.

Если оттолкнуться отсюда, под углом в сорок пять градусов, используя энергию хвоста как балансир, а когти задних лап как стартовые блоки... Если вложить в прыжок всю массу шести с половиной килограммов, помноженную на ярость...

Он прыгнул.

Это был не полет. Это был таран. Воздух свистел в ушах. На мгновение он перестал быть котом, он стал снарядом, чистой физикой, летящей к цели. Его передние лапы вытянулись вперед, когти выпущены на полную длину, готовые впиться в черное, ненавистное оперение.

БДУМ!

Удар был оглушительным. Мир на секунду погас в ослепительной вспышке боли, разлившейся от носа по всей морде. Томика отбросило назад. Он не просто ударился — он отскочил от невидимой стены, как резиновый мяч, потерявший половину своей прыти. Он рухнул на ковер с глухим, тяжелым стуком, сбив по пути свою собственную керамическую миску, которая покатилась по линолеуму с жалобным звоном.

Несколько секунд он лежал неподвижно, пытаясь собрать себя в единое целое. Нос ныл тупой, пульсирующей болью. Перед глазами плыли цветные круги. Он попробовал пошевелить усами — работают. Он лизнул нос — солоноватый привкус. Кровь? Нет, просто пыль.

Из спальни, привлеченный грохотом, выглянул хозяин. Он был уже в брюках, но рубашка все еще была расстегнута. — Господи, Томик! — выдохнул он, увидев кота на полу и миску под столом. — Ты решил разрушить квартиру до фундамента? Что это было? Прыжок веры из игры про ассасина?

Томик смерил его тяжелым, полным достоинства и боли взглядом. Он не ответил. Он медленно, с грацией раненого льва, поднялся. Ноги немного дрожали, но гордость была важнее. Он подошел к человеку и потерся о его ногу, но как-то небрежно, лишь для проформы. Он не нуждался в утешении. Он нуждался в реванше.

Хозяин покачал головой, пробормотал что-то про «сломанный нос» и «глупое животное» и пошел на кухню варить свой горький, дымящийся напиток.

Томик остался один. Он снова посмотрел на окно. Стекло было холодным и равнодушным. На нем, в том месте, куда пришелся удар его лба, остался едва заметный, смазанный отпечаток — рельеф его кошачьей морды, перенесенный на прозрачность тонким слоем кожного жира.

Он запрыгнул обратно. На этот раз прыжок был ниже, осторожнее. Он не стал сразу садиться. Он прошелся вдоль всего подоконника, обнюхивая стыки между рамой и стеклом. Он искал слабое место. В каждой системе есть уязвимость.

Его внимание привлекла маленькая, почти невидимая точка в углу — там, где сходились две створки. Старая деревянная рама, поставленная еще при царе Горохе, ссохлась от времени. Между стеклом и деревом образовалась микроскопическая щель.

Томик припал к ней носом. И мир взорвался запахами.

Стекло больше не было преградой для его обоняния. Из этой щели на него хлынула настоящая, нефilterованная жизнь. Запах мокрого асфальта, горький и нефтяной. Запах прелых листьев из палисадника. Запах выхлопных газов проезжающей машины — едкий, химический.

И поверх всего — тот самый, сводящий с ума, невозможный, близкий запах вороны. Птичья перхоть, сырость, что-то дикое и немытое.

Томик закрыл глаза. Он не видел ворону, но он ее *обонял*. Она была там. Она сидела на его ветке, на его территории, и нагло пахла свободой.

Он начал «бодать» эту щель. Он терся лбом и щеками о старую, потрескавшуюся краску рамы, втирая свои феромоны в каждую микротрещину. Он брызгал из крошечных желез у уголков губ, оставляя невидимые послания. «Это мое. Этот запах за окном — мой. Эта ворона — моя проблема. Я помечаю этот воздух».

Его хвост снова пришел в движение, но теперь это была не просто стрелка метронома. Это был руль. Хвост управлял его балансом, пока он извивался всем телом, пытаясь протиснуть хотя бы кончик носа в эту благословенную щель. Он пускал слюну от возбуждения. Если бы он мог растворить стекло своей ненавистью, он бы сделал это.

Внезапно внизу, на уровне его окна, произошло движение, не вписывающееся в общую суету. К подъезду дома напротив подъехал большой, сверкающий чистотой мотоцикл. Черный, хищный, он рычал совсем не так, как вонючие железные коробки на дорогах. Его рык был глубоким, утробным, музыкальным.

Человек, оседлавший его, был под стать своей машине. Кожаная куртка, потертые джинсы, шлем, который он сейчас снял, обнажив влажные от шлема темные волосы. Он не спешил. Он поставил мотоцикл на подножку, достал сигарету и шелкнул зажигалкой.

Томик замер. Он видел много людей. Он видел хозяина в его пижаме с дурацкими звездами, видел соседку с ее геранью, видел бегущих, потных клерков. Но этого человека он *видел* по-настоящему.

В его движениях не было суеты. Он прикурил, затянулся, и выпустил в холодный утренний воздух струйку сизого дыма. Дым поднимался вверх, растворяясь в лучах солнца. Этот человек никуда не бежал. Он просто *был*. Он стоял, опираясь на своего рычащего зверя, и смотрел на окна.

Томик проследил за его взглядом. Взгляд мужчины остановился прямо на окне Томика.

Сердце кота пропустило удар. Он инстинктивно прижался к подоконнику, сливаясь с тенью. Двунogie не должны смотреть так. Обычно они смотрят либо сквозь стекло, либо под ноги. Этот смотрел *на него*. Прямо в его зеленые глаза.

Человек на мотоцикле улыбнулся. Не той широкой, искусственной улыбкой, которой люди обмениваются при встрече. Это была тихая, понимающая усмешка уголком рта. Он медленно поднял руку, натянутую в черную кожу, и приложил два пальца к виску в легком, едва заметном воинском салюте.

Томик не шелохнулся. Но кончик его хвоста замер в воздухе. Этот человек его не испугал. Этот человек... его заинтриговал. Он пах кожей, бензином и свободой — той самой свободой, которой так не хватало Томику по эту сторону стекла. Он был похож на большую, опасную, но справедливую кошку.

Человек затушил сигарету о подошву тяжелого ботинка, бросил окуроч в урну и снова надел шлем. Щелчок забрала прозвучал в утренней тишине как взведенный куроч. Он перекинул ногу через сиденье, двигатель взревел, выбрасывая облачко сизого дыма, и мотоцикл сорвался с места, унося своего хозяина прочь, в лабиринт городских улиц.

Звук затихал, но эхо его мотора, казалось, еще долго вибрировало в стеклах.

Томик остался один. Ворона на тополе давно улетела. Суетливые синицы вернулись к своим мелким дразгам. Человеческая река внизу продолжала течь.

Но что-то изменилось. Томик посмотрел на свои лапы. Затем на свои когти. Затем на ту самую щель в раме. Стекло было преградой. Но преграда — это не конец пути. Это просто задача.

Он снова прижался к щели носом, вдыхая запах ушедшего мотоцикла, смешанный с запахом вороны. Он закрыл глаза и представил, как наваливается на это стекло всем своим весом. Не прыжком, а медленным, неумолимым давлением. Как рама трещит, как осыпается стеклянная крошка, как врывается в комнату ледяной осенний ветер, неся с собой запахи бензина, мокрого дерева и настоящей охоты.

Его хвост начал медленно, гипнотически раскачиваться из стороны в сторону. Зрелище за окном продолжалось. Но теперь это был не просто сериал. Теперь это был план. План побега. План, ради которого стоило точить когти о диван каждое утро.

Томик сел, обернул лапы хвостом и приготовился смотреть дальше. Он ждал, когда ворона вернется. Нужно было изучить ее маршрут. Нужно было понять, где она садится, когда думает, что ее никто не видит.

Окно было телевизором. Но Томик не собирался оставаться зрителем до конца своих дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.